

АРУТЮНОВА Н. Д.

ОБ ОБЪЕКТЕ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ

1.

Аксиологическая проблематика ставит любого исследователя, будь то логик, философ или лингвист, в ситуацию с двумя неизвестными: одним неизвестным является природа объекта оценки, другим — природа того свойства (или тех свойств), которые обозначаются оценочными предикатами. В логико-философской литературе основное внимание уделялось второму из названных вопросов: дискуссия о существовании и существе свойства «хорошести», а соответственно, и о дескриптивности или недескриптивности аксиологических прилагательных имеет долгую историю [1—6]. Однако сколь бы ни был плодотворен анализ ценностных свойств объектов, к которым приложимы общеоценочные предикаты *хороший* и *плохой*, он не должен вытеснить из поля рассмотрения первый из упомянутых вопросов.

Логики ограничивают проблему объекта оценки дилеммой «предмет или пропозиция». Выбор большей частью падает на пропозициональную структуру: считается, что оценочные предикаты относятся не к предметам (*thing-like entities*), а к положениям дел (*proposition-like entities*), т. е. являются предикатами второго порядка [7]. Эта точка зрения особенно прочно утвердилась в логике предпочтения, оперирующей ценностным сравнением ситуаций [8—10].

Оставив в стороне вопрос о предметном объекте оценки (мы вскользь коснемся его в конце статьи), обратимся к непредметным сущностям, вводимым в аксиологический анализ. Неоднородность области непредметных объектов, представленной такими категориями, как пропозиция, положение дел, событие, ситуация, процесс, действие, поступок, факт и др., стала достаточно очевидной в ходе лингвистических и логических исследований последних десятилетий [11—14]. Однозначных характеристик, впрочем, перечисленные категории не получили. Причина тому кроется не только в разнообразии использованных подходов, но и в размытости языкового употребления и обилии семантически диффузных контекстов.

Для наших целей достаточно различать два ряда непредметных объектов: *процессы* (состояния, свойства, события) и *факты* (собственно пропозиции). С небольшой долей метафоричности можно утверждать, что первый ряд объединяет все то, что составляет среду погружения человека в мир, а второй — то, что есть результат погружения мира в сознание человека. Категории первого ряда могут различаться между собой по таким параметрам, как статичность/динамичность, градуированность/неградуированность, кульминативность/некульминативность, результативность/нерезультативность и т. п. Эти признаки используются при описании семантических типов предикатов [15]. Для второго ряда характерны различия по признакам реальности/гипотетичности, истинности/ложности (логическому качеству), утвердительности/отрицательности, по референции субъекта (логическому количеству) и другим чертам, используемым при классификации суждений. Эти признаки обычно выражаются средствами морфологии и синтаксиса. С указанными рядами объектов соотносятся два типа значения: *процессуальное* и *собственно пропозитивное*, или *фактообразующее*. Выбрав в качестве представителя первого ряда процесс и образовав обобщенный термин «процессуальное значение», мы руководствовались принципом «максимального раствора ножниц», т. е. наибольшей противопоставленности

факту. Оба значения связаны с предложением и чаще всего выражаются его номинализациями. Первое — полными номинализациями (*Розы приятно пахнут* → *П р и я т н ы й з а п а х р о з и з в е с т е н в с е м*). Вторые — неполными (*Розы приятно пахнут* → *Т о , ч т о р о з ы п р и я т н о п а х н у т , и з в е с т н о в с е м*) [11, 16]. Сравнив приведенные примеры, можно убедиться в том, что полная номинализация относится непосредственно к реалиям, а неполная — к суждениям о реалиях. Это различие имплицитно и разницу в значении предиката. В первом примере *известен* значит «эмпирически знаком» и предполагает погружение человека в мир роз. Во втором примере *известен* допускает любой источник знания, в том числе минующий прямой контакт с розами. Речь идет о погружении в когнитивный мир (ноосферу).

И процессуальное, и фактообразующее значения могут быть выражены и другими языковыми средствами (инфинитивом, личной формой глагола и пр.). Различие между ними нередко вуалируется общностью формы выражения. Если при этом неоднозначен и предикат, то предложение допускает двойкую интерпретацию, например, *Появление в городе канатоходца Тибула не было замечено*. Такое различие поддается выявлению — только фактообразующее значение допускает развертывание в придаточное: *Т о , ч т о Т и б у л п о я в и л с я в г о р о д е , о с т а л о с ь н е з а м е ч е н н ы м*. Поэтому его можно условно назвать «то-что-значением». При фактообразующем субъекте предикат приведенного выше предложения означал бы, что никто не обратил внимания на приезд Тибула (хотя, возможно, некоторые из жителей были свидетелями этого события), так как он не нарушил привычного течения городской жизни. При событийной (процессуальной) интерпретации субъекта предикат должен быть понят в самом прямом смысле: «никто из жителей не видел, как Тибул проник в город».

Наиболее важные черты, отличающие фактообразующее значение от процессуального, сводятся к следующим (подробнее см. [17]).

1) Фактообразующее значение способно включать отрицание: *Т о , ч т о п р и н ц не о т л и ч и л д е в о ч к и о т к у к л ы , у д и в и т е л ь н о ; Т о , ч т о р о з ы не пахнут, ложь*. Факты могут быть как положительными, так и отрицательными. Поэтому фактообразующее значение всегда наводит на мысль об альтернативе, дизъюнкции.

2) Фактообразующее значение не градуировано: факты лишены степеней, сами по себе они не измеримы.

3) Фактообразующее значение способно входить только в интенциональный контекст, т. е. соединяться с модальными, логическими, когнитивными и оценочными предикатами, а также с соответствующими им пропозициональными отношениями (установками): *Я знаю (полагаю), что лето возвратится; Т о , ч т о л е т о в о з в р а т и т с я , в с е м и з в е с т н о ; Я рад (надеюсь), что лето возвратится; Т о , ч т о л е т о в о з в р а т и т с я , в е с ь м а в е р о я т н о ; С о м н и т е л ь н о , ч т о л е т о в о з в р а т и т с я* и т. п.

4) Фактообразующее значение не соотносится с глаголами физического восприятия. Факты, в отличие от событий и процессов, не даны нам в ощущениях. Нельзя сказать: *\*Я слышал (видел), что дети пришли с прогулки*. Следует сказать: *Я видел, как дети возвращались с прогулки*. В тех случаях, когда такое употребление допускается, глагол восприятия меняет свое значение: *Я слышала (= мне сказали), что дети вернулись с прогулки; Я видел, что дети вернулись с прогулки (= Я знаю, что дети вернулись с прогулки, так как я видел, как они возвращались)*. Констатируя факты, мы не исключаем их из интенциональной сферы: *то-что-значение* противостоит *то-как-значению*, обращая факт в доступный восприятию процесс. Мы в и д и м , к а к р а з в о р а ч и в а ю т с я ( п р о т е к а ю т ) с о б ы т и я , н о з н а е м , ч т о о н и п р о и с х о д я т и л и н е п р о и с х о д я т . О т н о с и т е л ь н о е м е с т о и м е н и е *как*, подчиненное глаголу, устанавливает прямой контакт между модусами восприятия и предикатом придаточного. Если *знать, что...* управляет связкой (предикативным отношением), то *видеть, как...* управляет непосредственно глаголом (предикатом). Показательно, что после *как* избегается синтаксическая негация, несовместимая с процессуальной семантикой. Нельзя сказать *\*Я видел, как не остановился*

поезд, хотя можно быть свидетелем того, что заполнило „пустоту“: *Я видел, как поезд прошел мимо, не останавливаясь.*

5) Изменение актуального членения внутри фактообразующего субъекта влияет на условия истинности предложения [18, 19]. Предложения *То, что я отдал книгу Ване, всех удивило*, *То, что я отдал Ване книгу, всех удивило* и *То, что я книгу Ване отдал, всех удивило* имеют разные условия истинности. Все три номинализации относятся к одному и тому же событию действительности, но указывают на разные факты. События, наиболее ярким признаком которых является включенность в некоторую, в том числе личную, сферу, многогранны, и каждая их грань может быть субстратом отдельного суждения. Последнее, если оно истинно, состав- факт. Именно факты являются причинами других событий [11]. Таким образом, события каузально неоднозначны.

Общеоценочные предикаты составляют одну из немногих категорий среди предикатов второго порядка, которые способны характеризовать оба рассмотренных выше типа непредметных объектов. Когда речь идет о среде погружения человека, то оценка проистекает из ощущений и может быть дифференцирована в зависимости от способа восприятия объекта (ср. *вкусный, ароматный* и пр.). В этом случае говорят о г е д о н и с т и ч е с к о й, или с е н с о р н о й, оценке. Эти термины будут употребляться синонимично. Если имеются в виду интенциональные объекты, то оценка опирается на иные принципы (нормативность, утилитарность, причинно-следственные отношения и т. п.) и имеет рациональный характер. Априорно достаточно ясное, это распределение затемнено двумя обстоятельствами: 1) тем, что оба вида оценки могут быть выражены одинаково, 2) тем, что разные объекты оценки (факты и процессы) могут быть обозначены одинаковыми языковыми средствами.

Между тем различие в оценке фактов и процессов (событий) настолько разительно, что разные оценки одного и того же явления, рассматриваемого либо как факт, либо как процесс, совместимы в одном высказывании. Можно сказать: *Хорошо, что я плохо спал, иначе я не заметил бы, что загорелись провода.* Чем болезненней неизбежный процесс (или событие), тем большее удовлетворение (но не удовольствие) может доставить факт его свершения и завершения. Напротив, чем приятнее процесс, тем более нежелательные последствия можно ожидать от факта его осуществления. Преобразование процесса в факт (замена «как» на «что») нередко меняет знак оценки на обратный. Процессы оцениваются с позиций настоящего момента (ощущения), факты — часто с позиций будущего (следствий). Процессы связаны с желаниями и потребностями, факты — с разумом и волей. Несогласованность в оценке процессов и фактов составляет, как известно, основную коллизию человеческого бытия и поведения. Оценки фактов и процессов в принципе взаимонезависимы. Предложение *Мне хорошо выдернули зуб* не только не равнозначно высказыванию *Хорошо, что мне выдернули зуб*, но и не имплицитует его. Из оценки процесса может вытекать любая оценка соответствующего ему факта. Верно и обратное: оценка факта допускает любую оценку своей процессуальной основы. Известно изречение: «И нельзя сказать „Это хуже того“, ибо все в свое время признано будет хорошим». Между тем человек на каждом шагу должен решать, что лучше и что хуже, и для этого ему нужно привести факты и процессы к некоторому общему знаменателю.

Механизмы речеобразования согласуются с механизмами жизни: каждый вид оценки располагает своей синтаксической позицией (по крайней мере, в ее первичной функции). Оценка процессов выражается либо наречием (*Я хорошо спал*), либо предикативом, или категорией состояния (*Хорошо спать на свежем воздухе*). Оценка фактов выражается аксиологическим оператором и соотносительными с ним предикатами второго порядка (*Хорошо, что ты сказал правду; То, что ты сказал правду, хорошо*). Все три вида оценки совместимы в одном высказывании: *Хорошо, что даже плохо видеть хорошо*. Рассмотрим подробнее каждую ситуацию на материале русского языка.

Процессы и события составляют, как было отмечено, среду физического и психического погружения человека в действительность. Их воспринимает субъект прямого контакта; он их и оценивает. Оценка не нуждается ни в какой иной мотивировке, кроме отсылки к собственным ощущениям. Например: «Она не могла сказать, отчего ей плохо, что давит сердце. Дом — полная чаша, муж любит больше даже, чем бы ей хотелось, све-кровь меньше, чем все другие, кого она знает, жмет. Отчего же так мучительно, так бесконечно хочется выплакаться» (Серафимович). Вопрос о причине психологического или иного дискомфорта, конечно, занимает человека, поскольку он желает ее устранить. Однако речь в этом случае не идет о мотиве оценки. Мотив оценки всегда связан с модусом суждения (*По ряду соображений я сч и т а ю, что это хорошо*). Высказывания сенсорной оценки в своих основных (исходных) формах не имеют выраженного модуса. Их не может вводить пропозициональная установка мнения. Не говорят \**Я думаю (считаю), что мне хорошо спалось (что я вкусно поел)*. Такие предложения не может вводить и предикат знания, поскольку в области ощущений нет противопоставления знания познанию. Нельзя сказать \**Я знаю (не знаю), что вкусно ем* [20].

Мнение может быть либо истинным, либо ложным. Сенсорная оценка всегда истинна. Чтобы быть истинной, ей довольно быть искренней. Сенсорная оценка, пока она не оторвалась от субъекта и времени ощущения, имеет статус непроверяемой субъективной истины. К этому заключению приходили многие философы. Дж. Локк считал, что «вещи в момент их использования являются тем, чем они кажутся; в этом случае кажущееся и действительное благо всегда одинаковы» [21]. Аналогичный вывод делает Б. Спиноза: «Удовольствие, рассматриваемое прямо, не дурно, а хорошо; неудовольствие же, наоборот, прямо, дурно» [22].

Указанные выше два способа выражения сенсорной оценки (наречие и предикатив) совместимы в одном высказывании. Они могут одновременно характеризовать один и тот же процесс: *Хорошо спать хорошо: Плохо спать плохо*. Допустимы и «сенсорные извращения»: *Как хорошо плохо спать! Как плохо хорошо спать!* Очевидно также, что *Хорошо — жить* не то же, что *Жить хорошо*. Основное различие в значении двух видов оценки сводится к следующему: предикатив идентифицирует состояние (ощущение), вызванное глобальным (неделимым) действием; наречие выделяет из класса действий или процессов (состояний) аксиологически охарактеризованную разновидность (см. подробнее ниже).

Адвербиальная оценка действия, тесно связанная с лексическим значением глагола и его видовыми характеристиками, может осуществляться на самых разных основаниях: по техническому нормативу (*плохо стоять в строю*), по этической норме (*плохо поступать*), по смешанному — эстетическому и техническому — нормативу (*хорошо играть на скрипке*), по количеству объекта (*хорошо зарабатывать*), по его качеству (*хорошо писать*), по отношению процесса к кульминации, завершению (*плохо провариться*) и др. Нас здесь будет интересовать только гедонистическая оценка, выносимая на основании прямых ощущений, возникающих в процессе осуществления действия. Предложений с неличным субъектом мы касаться не будем (ср.: *Розы хорошо пахнут*).

Гедонистическая оценка имеет своим объектом «приятные действия», то, чему человек предается для собственного удовольствия или для удовлетворения своих жизненных потребностей. Всякое действие, совершаемое человеком «ради себя», должно соответствовать требованиям, предъявляемым самим субъектом: *Я хорошо пообедал значит «Я остался доволен обедом»*. Оценочные суждения исходят от первого лица [23]. Употребление в третьем лице предполагает отсылку к первоисточнику и может сопровождаться модальностью неуверенности: *Он говорит, что хорошо провел время; Они, кажется, хорошо повеселились*. Этот признак противопоставляет гедонистическую оценку квалификации тех действий, которые обнаруживают некоторые личные достоинства — ум, ловкость,

мастерство, таланты, знания, способности. Аксиологическая характеристика собственных действий оборачивается в этом случае самооценкой, а позитивная самооценка не поощряется обществом.

Хвалить мастерство, ум, сметку значит хвалить обнаружившего эти качества человека. Не случайно оценка узуальных действий переходит на субъект: *хорошо работать* → *хороший работник*, *хорошо танцевать* → *хороший танцор*. Такие сочетания не используются в «автохарактеристиках». Сообщать же о собственных удовольствиях вовсе не значит хвалить самого себя. Перенос соответствующих определений на лицо блокирован: *хорошо веселиться* не преобразуется в \**хорошего весельчака*, а *хорошо выкупаться* не дает \**хорошего купальщика*. Склонность к увеселениям и удовольствиям не всеми одобряется. Имена лиц, выведенные из глаголов «приятных действий», часто имеют отрицательные коннотации (*гуляка, лакомка, гурман* и т. п.).

Оценочная квалификация «приятных действий» обычно происходит постфактум. Глагол регулярно ставится в прошедшем совершенном, часто с префиксом *по-*, сигнализирующим о временной границе процесса: *Мы хорошо повеселились*; *Как я хорошо выкупался!* Эта форма достаточно определенно указывает на гедонистический критерий оценки. Даже если оценка касается действия, имеющего технические или иные нормативы, она, несмотря на это, интерпретируется в гедонистическом смысле. Предложения типа *Я хорошо вчера походил на лыжах*; *Сегодня мы хорошо по-занимались* сообщают о том, что действие усладило исполнителя. Между тем в предложениях типа *Он хорошо ходит на лыжах* оценка основывается на техническом нормативе. Отрицательная оценка, которая не наталкивается на прагматические ограничения, может пониматься и в качественном, и в гедонистическом смысле; различие между тем и другим иногда маркируется префиксом *по-* (ср.: *Мы плохо танцевали вчера: испортился магнитофон* и *Мы плохо танцевали вчера: это было третье выступление за день*).

Оценка по нормативу относится к процессам или действиям как таковым; гедонистическая оценка характеризует процесс с подчеркнутыми временными границами, превращающими его в единичное событие (ср.: *плохо работать* и *плохо поработать*, *хорошо говорить* и *хорошо поговорить с кем-нибудь*).

Когда глагол, выдвигающий гедонистический критерий, употреблен не в первом лице и безотносительно к «позиции» субъекта действия, оценка утрачивает гедонистические основания. Так, сообщение *Я хорошо поел* означает «Я доволен едой». Когда же говорят *Ребенок хорошо поел*, то сообщение не касается ни вкусовых свойств еды, ни удовольствия субъекта действия. Оценка произведена на утилитарном основании.

Соответствующий общеоценочным наречиям компаратив соотносит однородные события: *Сегодня я спал хуже, чем вчера*. Сравнимые события не составляют альтернативы. Большей частью речь идет об изведанных процессах и пережитых событиях. Оценка основана на градации одного и того же признака.

Гедонистическая оценка, выраженная наречиями *хорошо* и *плохо*, избегает характеристики узуальных действий, и это отличает ее от нормативной оценки. Выказывания *Я хорошо пообедал (полежал на пляже)* относятся к частному случаю, локализованному в пространстве и времени. Предложения типа \**Я всегда хорошо купаюсь (лежу на пляже)* не корректны: удовольствие неотделимо от конкретных условий, в которых его испытал человек. Если же оно мыслится отдельно от них, то речь идет о вкусах и склонностях субъекта: *Я люблю купаться*. Когда оценивается действие само по себе, то глагол ставится в инфинитиве, а оценочное наречие преобразуется в предикатив: *Хорошо ходить на лыжах*; *Как хорошо гулять по цветущим лугам!* Оценка конкретизируется в самих ощущениях говорящего. Именно гедонистическое значение сближает оценочное наречие с категорией состояния (предикативом): между действием и вызываемой им реакцией — физической и психической — образуются каузальные отношения.

В предложениях типа *Хорошо гулять по лесу* оценивается состояние, обычно невольное, участника события. Речь не идет о целенаправленных действиях. Инфинитив выключен из парадигмы спряжения, но может замещаться придаточным времени: *Хорошо, когда идешь по лесу*. Это показывает, что состояние синхронизировано со стимулирующим его процессом. При номинализации оценочное слово не преобразуется в определение. Оно сохраняет за собой позицию предиката: *Хорошо гулять по лесу* → *Прогулки по лесу хороши (приятны)* → *Как хороши прогулки по лесу!* Словосочетание *хорошая прогулка по лесу* соотносительно с адвербиальной конструкцией *хорошо прогуляться по лесу*, которая противопоставляет хорошую прогулку плохой. Понятие прогулки в этом случае подпадает под действие аксиологической таксономии, задаваемой миру человеком, а не человеку миром.

В предложении *Хорошо (приятно) гулять по лесу!* понятие лесной прогулки не участвует в каких-либо противопоставлениях. Из таких предложений нельзя вывести никаких заключений относительно того, что плохо. Если гулять по лесу хорошо, это не значит, что не гулять по лесу плохо или что плохо гулять по полю. Гедонистическая оценка состояния логически не имплицативна, хотя практически всякий знает, что выключение из неприятных переживаний или болезненных ощущений уже само по себе дает облегчение. Поэтому позитивная оценка в предложениях, содержащих явное или скрытое отрицание, приобретает имплицативность: *Хорошо быть здоровым* (=не болеть); *Хорошо иногда полениться* (=не работать). Положительные ощущения, вызываемые нормальным положением дел, возникают по контрасту с испытанными отклонениями от нормы.

Предикативы состояния *хорошо* и *плохо* входят в одну парадигму с такими другими представителями этой категории, как *весело, грустно, радостно, сладко, страшно, скучно, противно, приятно, неприятно, легко* (на сердце, душе), *тяжело, стыдно, смешно, обидно, досадно* и т. д., но не такими, как *грешно, благородно, неприято, подло* и др. (о разрядах внутри предикативов см. [24], о предикатах состояния см. [15, с. 121—131, 320 и сл.]). Именно в позиции, присущей категории состояния (предикативу), происходит постепенный переход от сенсорной оценки к рациональной. В предложениях типа *Вредно (плохо) есть на ночь грибы; Полезно (хорошо) по вечерам гулять* значение инфинитива приближается к фактообразующему в том отношении, что мотив оценки относится не к ощущениям, а к последствиям действия. Следующим после утилитарной оценки шагом в развитии аксиологического значения в позиции предикатива является значение этической оценки: *Плохо (нехорошо, незтично, невежливо, грешно, подло, неблагородно) так говорить; Хорошо (благородно) помогать друзьям*.

Таким образом, в позиции предикатива разворачивается целый спектр оценок от гедонистической до этической. Наименее свойственна этой позиции эстетическая оценка, сублимирующая принцип гедонизма.

В соответствии с изменением критерия оценки варьируется и характер ее объекта: значение инфинитива движется по шкале переходов от процессуального до пропозитивного.

Сопоставим два типа инфинитивно-оценочных конструкций: (1) *Хорошо бродить по лесу* и (2) *Хорошо пойти сейчас в лес*. В (1) сообщается о вызванном некоторым процессом (действием) приятном состоянии; (2) содержит оценку предстоящего события; оно фиксирует акт выбора определенного курса действий среди других возможностей; говорящий хочет сделать истинным суждение *Я пошел в лес*. В (1) *хорошо* несет на себе ударение, оно эмоционально выделено. В (2) выделен инфинитивный оборот, причем оценочное слово может сочетаться с частицей *бы*: *Хорошо бы в лес пойти*. Оно выражает желание или намерение осуществить некоторое действие или «впасть» в некоторое состояние: *Хорошо бы поспать часок*. В (1) может быть устранен инфинитивный оборот: *Хорошо бродить по лесу* → *Как хорошо!* В (2) устранимо оценочное слово: *Хорошо бы в лес пойти* → *Пойти бы в лес* (при колебании: *В лес что ли*

пойти). В (1) субъект оценки и субъект действия обычно совпадают; однако возможны «оценки наблюдения»: *Как хорошо детям плескаться в море!* В (2) субъект оценки может быть отделен от субъекта действия только при наличии частицы *бы*: *Хорошо бы тебе в лес за дровами сходить; Хорошо, чтобы ты в лес за дровами сходил*. В (1) место инфинитива может занять придаточное времени: *Хорошо, когда бродишь по лесу*. В (2) — условное придаточное: *Хорошо, если бы мы в лес пошли*. (1) либо относится к актуальной ситуации, либо выражает общее суждение о классе ситуаций, отражающее вкусы и склонности говорящего: *Хорошо бродить по лесу* часто интерпретируется как «Я люблю гулять по лесу». В (2) выражено намерение (твердое или «мечтательное») относительно предстоящего проведения времени; высказывание не может быть оторвано от актуальной ситуации. Сенсорно-оценочное *хорошо* тяготеет к несовершенному инфинитиву процессуального действия: *Хорошо бродить по лесу (купаться в море, нежиться на солнце)*. Совершенный вид при гедонистической оценке означает «мгновенное» действие, стимулирующее длительное состояние: *Хорошо утром окунуться в холодную воду*. В (2) обычно используется инфинитив совершенного вида, относящийся к будущему действию. Несовершенный вид выражает повторность (*Хорошо бы каждый день в лес ходить*), либо указывает на общеутилитарный характер оценки (*Хорошо по утрам делать гимнастику*).

Инфинитив в предложениях гедонистической оценки может замещаться разнообразными обстоятельственными оборотами: *Хорошо с тобой; Плохо сейчас в лесу*. Инфинитив в предложениях намерения (желания) допускает замены только при наличии частицы *бы*: *Хорошо бы в лес (В лес бы)*. В (1) обстоятельство отвечает на вопросы *где?* и *как?*, в (2) — на вопрос *куда?*, и это дает ощущение эллипсиса (ср.: *Татьяна в лесу и Татьяна в лес*).

В (1) дательный субъекта синтаксически связан с оценочным словом: *Хорошо нам вдвоем; Кому на Руси жить хорошо?* В (2) дательный перешел от оценочного слова к инфинитиву: *Хорошо бы тебе в магазин сбежать; Не опоздать бы мне на работу*. В (1) инфинитив избегает отрицания, в (2) утверждение и отрицание равноправны. В (1) оценка употребляется и в своем позитивном, и в своем негативном варианте: *Хорошо бродить по лесу; Плохо пробираться через колючий кустарник*. В (2) возможна только положительная оценка: *\*Плохо мне опоздать на работу; \*Плохо бы тебе сидеть дома* (этическая и утилитарная оценка, естественно, допускают как одобрение, так и порицание).

Этот пример показывает, насколько хрупка синтаксическая система. Как только в употребление вовлекается та или другая модальность (в данном случае модальность желания, намерения) *хорошо* отрывается от *плохо*. Парадигматические отношения, основанные на аксиологических оппозициях, нисколько не гарантируют тождества условий употребления антонимических оценочных предикатов.

Суммируем теперь основные черты гедонистической оценки в ее классической форме: 1) гедонистическая оценка релятивизована относительно субъекта ощущения и обладает параметром субъективной истины, 2) она не нуждается в мотивировке, 3) сенсорная оценка не вводится пропозициональными отношениями мнения и знания, 4) сравнение, которое не является необходимым атрибутом сенсорной оценки, касается аналогичных, входящих в один класс событий, 5) ценностное сравнение не предполагает дизъюнкции сопоставляемых процессов, 6) сенсорная оценка логически не имплицативна, 7) противоположные оценки не объединяются в единый скалярно-антонимический комплекс (типа «маленький — большой»): положительные ощущения достаточно определенно отделены от отрицательных (*меньше страдать* не значит «получать больше удовольствия»), 8) положение объекта вне сенсорной оценки определяется его неспособностью стимулировать ощущения, 9) сублиматом сенсорной оценки является эстетическая оценка, 10) сенсорная оценка не пользуется понятием нормы.

Ранее уже был отмечен ряд черт, противопологающих оценку процессов оценке фактов. Сейчас выделим главное. В позиции аксиологического оператора используются почти исключительно общеоценочные предикаты *хорошо* и *плохо*, выключенные из парадигматических отношений со своими эмоциональными синонимами. Такие оценки, как *отлично*, *превосходно*, *прекрасно* и др., допускают только автономное употребление типа *Вот и отлично: Превосходно! Вот это замечательно*.

Аксиологический оператор может сближаться с предикатами психологической реакции, порождаемой как процессами, так и фактами: *Я рад, что вы пришли; Мы огорчились, когда узнали, что наш проект отклонен*. Психические реакции и состояния возникают не только при прямом включении в процессы, но и вследствие узнавания фактов.

Аксиологические операторы распространяют свое действие на целиком взятую пропозицию, которая может быть выражена придаточным дополнительным с союзом *что* и без него, придаточным условным, а также инфинитивом: *Хорошо, что ты мне помог; Хорошо (бы) люди помогли; Было бы хорошо, если бы люди помогли; Будет хорошо, если ты мне можешь; Хорошо, если помогут; Хорошо помогать друзьям*.

Все примеры, кроме второго, допускают оппозицию *хорошо/плохо*. Аксиологический оператор избегает прошедшего времени. Не говорят *\*Было хорошо, что ты мне помог*. Значение рациональной оценки, особенно этической, стремится освободиться от временных ограничений.

Поскольку критерием оценки фактов не служат ощущения, субъект оценки может не совпадать с субъектом, вовлеченным в оцениваемое положение дел. Оценка фактов выражает точку зрения, и она — явно или не явно — вводится пропозициональным отношением мнения: *Я считаю, что хорошо помогать друзьям; Я нахожу, что было бы хорошо, если бы ты мне помог*. Оценка стороннего наблюдателя может оказаться иной (возможно, более дальновидной), чем мнение участника события, который не всегда пожелал бы себе те перспективы, которые открывают перед ним другие, например: *«Было бы неплохо, если бы с нею случилось несчастье, неудачный роман или что-нибудь в этом роде. Было бы для нее полезно, если бы что-нибудь согнуло ее гордость»* (М. Горький).

Оценка фактов имеет рациональный характер и подлежит обоснованию: *Хорошо, что дождь пошел, а то (иначе, в противном случае) пришлось бы огород поливать*. Мотивом оценки здесь служит указание на отрицательное следствие из обратного реальному положению дел. Оценка факта, таким образом, вводит пропозицию в контекст причинно-следственных отношений.

Если речь идет о сознательных действиях, то мотивом оценки может служить отношение к норме. Такой мотив вводит пропозицию в нормативный или дидактический контекст с характерными для него модальностями разрешенности и запрета, необходимости и свободы: *Плохо, что ты обидел девочку. Нельзя обижать слабых*. Сублиментом оценки фактов (а не процессов или событий) является этическая оценка. Этическая оценка сводит любое «как» к «что»: *к а к ты поступил определяется тем, ч т ó ты сделал*. Эстетическая оценка, напротив, преобразует «что» в «как». В сочетании с глаголом *поступать* наречия *хорошо* и *плохо* характеризуют целиком взятую пропозицию и могут быть приравнены к аксиологическому оператору: *Ты хорошо поступил, защитив друга = Хорошо, что ты защитил друга*. Глаголы *поступать* и *делать* могут управлять придаточным: *Ты плохо поступил (сделал), ч т о н е п р е д у п р е д и л о б о п а с н о с т и*.

Оценка фактов, выражающаяся аксиологическими операторами, тесно связана со сравнением. Та или другая оценка данного факта имплицитно обратную оценку соответствующего отрицательного факта: *Хорошо, что ты сказал правду, а не солгал. Солгать было бы дурно*.

Общеоценочный оператор часто используется в ситуации разрешенной альтернативы: *Хорошо, что пришел ты, а не он: Хорошо, что ты*

все-таки пришел; Хорошо, что мы поехали в Крым, а не на Кавказ. Особенно регулярно эксплицируется «противовес» в предложениях с именной ремой, допускающей множественность альтернатив. Но даже когда высказывание ограничено оценкой факта, в нем заключено неявное сопоставление с соответствующим отрицательным фактом, который либо сам по себе хуже положительного, либо мог бы повлечь за собой отрицательные последствия. Высказывание *Хорошо, что ты пришел* может быть сказано хозяином, который рад видеть у себя гостя; оно также может быть произнесено в ситуации, когда приход предотвратил несчастье: *Хорошо, что ты пришел и выключил утюг*. Речь здесь идет о счастливой случайности.

Оценка может относиться и к собственным действиям. Она задним числом констатирует возможность иного выбора, т. е. указывает на колебания поведения: *Как хорошо, что я вовремя пришел на конференцию. Был интересный доклад*. Говорящий дает понять, что благоприятные последствия его образа действий превзошли ожидания.

Компаративное значение аксиологического оператора ясно выступает в конструкции с придаточным условным, выражающим допущение: «Лежи и мучайся: так тебе, дураку, и надо, и хорошо, если просто дураку, а то и подонку» (В. Солоухин), ср. также: *Хорошо, если он сдаст экзамен на тройку, а не провалится (а то может и провалиться)*. Речь в этом случае идет о сопоставлении двух гипотетических положений дел (характеристик, мнений, оценок), причем оба они отрицательны. Поэтому *хорошо* в такого рода конструкциях не противопоставлено *плохо*. По значению оно приближается к *лучше*, от которого отличается следующим признаком: *хорошо* употребляется тогда, когда выбор делается судьбой, а *лучше* — тогда, когда он зависит от воли человека, ср.: *Хорошо, если поезд не опоздает; Хорошо, если мы не опоздаем на поезд и Лучше нам не опаздывать на поезд; Лучше будет, если мы поторопимся*. Компаратив *лучше* связан с решением или рекомендацией.

Суммируем основные черты, характерные для оценки фактообразующего объекта, выраженной позитивами *хорошо* и *плохо*: 1) оценка фактов (возможностей) по существу своему компаративна, 2) обычно сопоставляется факт и возможность его неосуществления, реальное и гипотетическое положение дел, утверждение и отрицание, 3) скалярно-антонимический комплекс, лежащий в основе сравнения, достаточно ясно разделен на области положительной и отрицательной оценок, 4) оценки взаимно имплицативны: из положительной оценки некоторого факта вытекает негативная оценка соответствующего отрицательного факта, и наоборот, 5) субъект оценки не обязательно совпадает с субъектом действия или участником события, 6) оценка мотивируется, причем мотив имеет рациональный характер, 7) оценочное суждение может быть введено модусом полагания (мнения), 8) положение вне оценки определяется невхождением в область интересов человека, 9) сублиматом оценки фактов является этическая оценка, 10) этическая оценка пользуется понятием нормы.

#### 4.

Аксиологический оператор легко преобразуется в компаратив, выполняющий функцию пропозициональной связки (подробнее см. [25]): *Лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя*; «Послушай-ка, — тут перервал мой Лжец, — чем на мост нам идти, понщем лучше броду» (Крылов). Хотя позитив *хорошо* в функции аксиологического оператора имплицитно сравнение, выбор термина сравнения для неявного компаратива *хорошо* (*плохо*) и для открытого компаратива *лучше* следует разным принципам: неявный компаратив в большинстве случаев сравнивает л о г и ч е с к и противопоставленные ситуации, явный компаратив сравнивает ф а к т и ч е с к и несовместимые положения дел. Сравнимые ситуации соответствуют реальным жизненным альтернативам. Разрешение альтернативы аннулирует аксиологическую связку. Можно сказать: *Хорошо, что ты не пришел*, имея в виду сравнение с возможностью прихода, но не \**Лучше, что ты не пришел, чем если бы ты пришел*.

Аксиологическое сравнение используется преимущественно в ситуации принятия решения или рекомендации. При этом обычно сопоставляются не утверждение и его отрицание, а два разных положения дел. Ярким признаком аксиологической пропозициональной связи является допущение относительной семантической автономности соединяемых ею пропозиций: *Лучше поехать на курорт, чем покупать дачу*. Речь идет о дизъюнктивно мыслимых положениях дел, образующих искусственный компаративный класс. Широкие возможности сопоставления несопоставимого, допускаемые аксиологической связкой, демонстрирует образное сравнение — выросший из дизъюнкции художественный прием: «Господа, никогда не влюбляйтесь в замужних женщин. Честное слово, лучше быть раненым в плечо и в ногу навылет, как ваш покорный слуга, чем любить замужнюю» (А. Чехов).

Различие между явным и неявным аксиологическим компаративом проявляется и в их сочетаниях с частицами. Модальная частица *еще* в соединении с открытыми компаративами *лучше* и *хуже* служит показателем их связи с соответствующими им исходными формами (*лучше* с *хорошо*, а *хуже* с *плохо*). Когда говорят *Мальчик стал учиться еще лучше*, то это значит, что он и раньше учился хорошо. Если же говорят *Он стал учиться лучше* или *Он чувствует себя лучше*, то вполне возможно, что улучшение не достигло черты, отделяющей плохие показатели от хороших. Напротив, при скрытом сравнении (*хорошо еще, что...*) модальная частица *еще* служит знаком переключения оценки в другую (противопоставленную) часть аксиологической шкалы: *хорошо еще* = «не так плохо, менее плохо, еще ничего, могло бы быть хуже, бывает хуже». Ту же функцию выполняет опущение союза *что*: *Хорошо еще люди помогли, а то совсем бы пропал; Хорошо нашелся добрый человек, выручил*. Такие предложения часто используются в ситуации, когда случай (или случайный человек) помог выйти из беды. В некоторых языках в этой функции стабилизировался оборот со значением «менее плохо» (ср. исп. *menos mal*, итал. *meno male*). Положительный компаратив *лучше* связан с надеждой на лучшее, с ожиданием восстановления нормы. Поэтому он естественно сочетается с частицей *уже*: *Больной чувствует себя уже лучше*. Отрицательный компаратив *хуже*, напротив, избегает этой частицы. Даже в ситуации неуклонного ухудшения не говорят *\*Он работает уже хуже* или *\*Он чувствует себя уже хуже*. Скорее скажут *Он работает все хуже*, и такое утверждение не отменяет надежды на то, что положение выправится. В перспективе жизни люди чувствуют себя все хуже, но в каждый данный период можно с основанием утверждать *Мне уже лучше*. Таким образом, сочетаемость с частицами обнаруживает разобщенность членов аксиологического комплекса: *хорошо* и *лучше*, *лучше* и *хуже*.

Хотя *хорошо* может рассматриваться как неявный компаратив, его употребление далеко не аналогично употреблению *лучше*, и практически нет таких контекстов, в которых *хорошо* и *лучше* были бы взаимозаменяемы. Эти различия в основном сводятся к следующим. Позитив *хорошо* имплицитно предполагает сравнение двух логически исключаящих друг друга фактов, причем положительная оценка одного из них предполагает отрицательную оценку другого. *Хорошо* тяготеет к выражению оценки постфактум.

Для аксиологической связи характерно соединение неоднородных положений дел. Важно лишь то, что они фактически (но не обязательно логически) исключают друг друга. Жизнь не ведает пустоты. «Пустующая клетка» заполняется той или другой ситуацией. За каждым отрицательным фактом скрываются разные положения дел, и именно они привлекаются для сравнения, когда нужно выбирать. Направленность *лучше* на выбор или рекомендацию дифференцирует употребление компаративов *лучше* и *хуже*. Когда речь идет о принятии решения или совете, употребляется только *лучше* (подробнее см. [25, с. 336]).

Оправданность решения последующим развитием событий не может служить логическим доказательством того, что выбор альтернативы повел бы к жизненному проигрышу. Положительная или отрицательная оценка одной из возможностей в принципе не гарантирует обратной оцен-

ки другой. В известном смысле можно утверждать, что «диахронически» лучше предшествует хорошо: *Лучше поехать на дачу, чем оставаться в городе* (выбор); *Хорошо, что я поехал на дачу, а не остался в городе* (итог). Временная последовательность оценок, однако, не перерастает в логическую зависимость. Преоценка и постоценка автономны: *Лучше поехать на дачу, чем оставаться в городе* (выбор); *Лучше было бы остаться в городе, чем ездить на дачу* (итог). Удовлетворение правильностью действий ведет к замене *лучше* на *хорошо*; сожаление о неверном выборе, которое как бы оставляет дилемму в аксиологическом плане открытой, сохраняет компаратив *лучше*. Если при сопоставлении реального события и его возможной альтернативы, в фокусе находится оценка того, что случилось на самом деле, выбирается позитив (*Хорошо, что ты помог мне, а то я сам не решил бы задачи*). Если же в фокус попадает оценка альтернативы, т. е. положения дел, обратного случившемуся, то используется сравнительная степень (*Лучше бы ты не помогал мне, а предоставил самому решать задачу*). Хотя постфактум часто происходит переоценка (то положение дел, которое виделось как предпочтительное, может себя не оправдать), в речи не производится замена *лучше* на *хуже*. Даже в условиях аксиологической ошибки в коммуникативный фокус попадает предпочтительный вариант, а вместе с ним и компаратив *лучше*.

## 5.

Различие в механизмах оценки процессов и фактов прослеживается и в возможностях перехода оценки на предметы. Сенсорная оценка, выраженная наречием, прямо ассоциируется с предметами. Из предложения *Я хорошо пообедал* обычно может быть выведено заключение о том, что обед был хорош. Склонность к процессам потребления тех или других видов объектов или к их восприятию часто представляется как «любовь» к самому объекту (в том числе и конкретному, если он допускает многократное использование). Люди потребляют и истребляют то, что любят: *Я люблю есть рыбу* → *Я люблю рыбу*; *Я люблю читать произведения Тургенева* → *Я люблю Тургенева*. Оценка процессов создания соответствует оценке их продукта. Из высказывания, что Тургенев хорошо писал, вытекает, что он писал хорошие произведения.

Гедонистическая оценка имеет прямой выход в семантику. Благодаря ей язык обогащается недескриптивными предикатами, которые объединяют объекты не по их естественным свойствам, а по их воздействию — физическому и психическому — на человека. Результирующие классы задаются каузально. Их дефиниции перифрастичны: *вкусный* = «вызывающий приятные вкусовые ощущения», *ароматный* = «вызывающий приятные обонятельные ощущения», *возмутительный* = «вызывающий возмущение», *восхитительный* = «вызывающий восхищение». Соответствующие таким предикатам классы объектов представляют собой наборы причин (стимулов), способных оказывать сходное воздействие на человека. Гетерогенность стимулов подавляется гомогенностью реакции.

Оценка фактов не связана с оценкой предметов. Высказывание *Хорошо, что в доме есть кошка* не предполагает со стороны говорящего доброго отношения к кошкам вообще и даже к данной кошке в частности. Он может просто считать пребывание в доме кошки меньшим злом сравнительно с ущербом, который причиняют мыши. Оценочному сравнению подвергаются альтернативы *В доме есть кошка* и *В доме есть мыши*. Но и сообщение *Плохо, что в доме завелись мыши* не имплицитно с необходимостью неприязни к этим животным.

Извлечение из оценки факта характеристики предмета, представленного термом соответствующей пропозиции, иногда имеет ироническое назначение, например: «Предмет статьи до такой степени чужд всяким интересам русской публики, что она не будет прочтена почти никем. Именно тем она и хороша» (Н. Г. Чернышевский). Оценка факта (*Хорошо, что эту статью никто не прочтет*) перенесена на предмет (*Статья тем и хороша, что ее никто не прочтет*). Полученный иронический эффект как раз

и проистекает из принципиального несовпадения оценки фактов и оценки предметов. Ср. также: «Я не про Белокопскую одну говорю: дрянная старушонка и дрянная характером, да умна и их всех в руках умеет держать, — хоть тем хороша» (Ф. М. Достоевский). Фразеологизованный предикат *тем и хороша* не исключает отрицательного определения объекта (*дрянная старушонка*).

Таким образом, различие в оценке процессов (состояний, событий) и фактов сказывается и на ее переносе на предметы, и на возможностях ее выхода в семантику прилагательных. Оценка предметов производна от оценки процессов, качеств, свойств и т. п., реализующихся при их вхождении в орбиту жизнедеятельности человека.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 3.—Юм. Д. Соч.: В 2-х т. М., 1966, т. 1.
2. Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
3. Nowell-Smith P. H. Ethics. Oxford, 1957.
4. Stevenson Ch. Facts and values. New-Haven — London, 1964.
5. Hare R. M. The language of morals. Oxford, 1967.
6. Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
7. Wright G. H. von. The logic of preference reconsidered.— Theory and decision, 1972, № 3.
8. Halldén S. On the logic of «better». Lund, 1957.
9. Wright G. H. von. The logic of preference. Edinburgh, 1963.
10. Rescher N. Semantic foundations for the logic of preference.— In: The logic of decision and action. Pittsburg, 1966.
11. Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca — New York, 1967.
12. Wilson N. L. Facts, events, and their identity conditions.— Philosophical studies, 1974, v. 25, № 3.
13. Mourelatos A. P. Events, processes, and states.— In: Syntax and semantics, v. 14, New York, 1981.
14. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста.— ИАН СЛЯ. 1983, № 4.
15. Семантические типы предикатов. М., 1982.
16. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
17. Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения).— ИАН СЛЯ, 1980, № 4.
18. Dretske F. Referring to events.— In: Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
19. Kim J. Causation, emphasis, and events.— In: Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
20. Падучева Е. В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица.— В кн.: Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982.
21. Локк Дж. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1960, с. 279.
22. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1957, т. 1, с. 556.
23. Вольф Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний.— В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 325—326.
24. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 274 и сл.
25. Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций.— ИАН СЛЯ, 1983, № 4.